

На днях в «Труд» пришло письмо, подписанное академиками А. Коноваловым, Л. Горским, Б. Федоровым и М. Палеевым, профессором Л. Рошалем, Героем Советского Союза, летчиком-испытателем М. Галлаем. Оно было адресовано Б.Н. Ельцину. Авторы просили президента защитить честь и достоинство Иосифа Кобзона, человека, которого они уважают и ценят. В то, что певец связан с мафией, они верить отказывались и требовали провести соответствующее расследование: если есть доказательства, их надо предъявить общественности, если нет — прекратить травлю артиста. «Кобзон, — говорилось в письме, — известен также как политический деятель. То, что он говорит, может кому-то нравиться, а кому-то нет. Каждый человек может иметь свою позицию, и это не является преступлением».

Мы решили обратиться к самому Иосифу Давыдовичу и спросить его о том, что в последнее время вокруг него происходит.

— Иосиф Давыдович, ваш образ нынче двоится: Кобзон-бизнесмен, Кобзон-певец... Давайте вспомним ваше старое, 1991 года интервью: на вопрос, не тянет ли вас в эмиграцию, вы ответили — а зачем? У меня все есть и в России. Есть прекрасная дача недалеко от Переделкино — настоящая вилла с гектаром земли, когда-то принадлежавшая маршалу Рыбалко. Есть огромная пятикомнатная квартира на Смоленской. Есть деньги, почет, общественное положение... Но если у вас все есть, то зачем вам бизнес?

— Потому что он мне интересен. Всю свою жизнь я проходил в лидерах: был председателем совета пионерской дружины, членом комитета комсомола, партокома, народным депутатом СССР. Мне физически необходимо что-то организовывать, все время быть «в деле» — и бизнес дает такую возможность. Но бизнес бизнесу рознь: я никогда не занимался грязными, кровавыми делами — игорными домами, драгметаллами, оружием. Я не альтруист, но бизнес дает мне возможность многим помогать — к примеру, Академии имени Гнесиных (уже 11 лет я веду там кафедру вокала). У меня есть два подшефных детских дома — в Туле и в Ясной Поляне. Я им помогаю материально — не только за свой счет, но и на деньги моих друзей. Отари Квантришвили привез туда телеаппаратуру, спортивный инвентарь, Анзор Кикалишвили — компьютеры...

— Но ведь ни для кого не секрет, что наш сегодняшний бизнес до мозга костей криминален. Даже тем, кто сам не занимается ничем противозаконным, приходится «контактировать» с мафией: иначе сомнут, разорят, убьют...

— Да, что скрывать... На сегодняшний день в нашей стране нет ни одной коммерческой структуры, которая не «охранялась» бы этими людьми. Но это еще не значит, что мы вместе с ними занимаемся коммерцией, делим прибыли, общаемся, дружим домами... Мы содержим и милицеевскую охрану, и охрану из «авторитетов». В офисе вся жизнь не проходит на улице меня легко «схарчить». Когда в нашей стране перестанут отстреливать людей, я перестану общаться с этим миром. Да и в каком смысле я с ним общаюсь?..

— В каком?
— Только в деловом.
— Что значит «в деловом»?
— Задержали груз, организация задолжала нам деньги, а отдавать не хочет... Это их работа. И если в криминальном мире начинают бродить какие-то касающиеся

лами вообще не занимаюсь. Мне позвонили, сказали, что банк хороший, но переживает тяжелые времена, а потом о поддержке попросили сами банкиры. Вы и сами наверняка знаете, что банки сейчас лопаются, как бутылки в мороз... На то, чтобы меня избрали председателем совета, я согласия не давал: это произошло в мое отсутствие. «Без меня меня женили»... Я знаю, что сейчас президент этого банка готов принести мне извинения через прессу.

ровали рядом с проституткой, это еще не значит, что я сутенер. Меня снимали и с папой римским — отсюда можно сделать вывод, что в действительности Кобзон является католическим аббатом...

— И все же, как вы объясняете то, что происходит вокруг вас в последнее время: публикации со всевозможными обвинениями, угрозы расправы, отказ в американской визе?..

— Я смертельно устал от всего этого безумия и ничего больше не хочу объяснять. Скажу одно — у

и я пригласил его на обед. Мы сидели, разговаривали: передо мной был совсем другой Руцкой — здравомыслящий, чуждый агрессии. Я сказал ему: Саша, ты наделал очень много глупостей. Ты обидел мэра, Бориса Громова, не по-джентльменски обошелся с президентом... Руцкой ответил, что до президента ему сейчас не достучаться, а перед мэром и Громовым он хотел бы извиниться. Руцкой позвонил им по моему мобильному телефону, поговорил, принес извинения... Ни-

в законе не имеет права ни работать, ни воровать. Он может только сидеть. «Авторитеты» преступного мира — не те люди, которые убивают и грабят на улицах. Они работают в бизнесе, охраняют бизнесменов и получают свои деньги. И я не согласен с тем, что на политическом Олимпе находятся какие-то теневые структуры. Все значительно проще: там те, в чьих руках деньги и средства управления. Но они тоже боятся за свою жизнь, тоже якшаются с «авторитетами»...

— Иосиф Давыдович, а как все это — бизнес, неприятности с визой, полемика с вашими оппонентами — влияет на Кобзона-певца? Каковы творческие планы?

— Когда меня спрашивают, как я все это выдерживаю, я отвечаю — меня спасает творчество. В среднем в месяц у меня 10 — 15 выступлений, я все время в пути. Чем дальше от Москвы я уезжаю, тем лучше себя чувствую... Я в хорошей творческой форме, и это меня выручает.

— А что, на ваш взгляд, может выручить Россию? Есть ли хоть какие-то признаки улучшения, заметны ли вам хоть небольшие шажки к лучшему?

— Самая большая беда нашей страны — в инертности народа. Люди нахватились свободы в первые годы перестройки, власть набастовались, находились на митинги, демонстрации протеста и поняли, что это ни к чему не ведет. Сейчас они даже на выборы не хотят идти.

Ситуация в стране неясная, власть при всей своей сообразительности в очередной раз собирает наступить на те же грабли. «Наш дом — Россия», на мой взгляд, ведет себя некорректно: народу фактически предлагают проголосовать за нынешнее правительство. Тот, кто сегодня доволен жизнью, так и поступит, но вполне возможно, что избиратели отдадут голоса каким-нибудь более скромным людям.

Меня очень беспокоит Жириновский. Баркашовцы уже притихли: они чувствуют, что дискредитировали себя. А с Жириновского все как с гуся вода, — если не переспорит, то обругает, а то и приберет.

Я не думаю, что у нас будет гражданская война. Но грязь будет очень много, и предстоящие выборы спокойно не пройдут. Я ничего не боюсь: у меня за плечами жизнь, три тысячи записанных песен (не все они одинаково хорошие, но больше не спел никто в мире), работа, семья, дети... Но я вам совершенно официально заявляю: если победит Жириновский, я уеду. Я никого не боюсь — и уж тем более Жириновского, но это будет последняя, завершающая точка в деградации страны. А если победит Виктор Степанович... Что ж, это будет неплохо. Он, конечно, не Петр Великий, не Вашингтон и не Ришелье, но человек опытный, разумный, готовый к дискуссиям. Он наверняка наделает немало ошибок, но при этом будет и много дельного... Будем надеяться на лучшее — я, как это ни странно, оптимист.

Беседу вели Алексей Филиппов и Виктор Горленко.

Иосиф КОБЗОН:

Труд, -1995, -15 септ. - с.5
«На самом деле я — настоятель монастыря»

Все прочие слухи об известном певце, выходит, сильно преувеличены

меня слухи, у кого-то из их коллег возникают ко мне претензии, то они должны все это отследить и защитить от «наездов». Но все эти контакты идут не через меня — для этого у нас есть специальные люди. Что делать — сегодня так живет вся страна.

— В мире искусства вы пользуетесь славой отвычивого, готового откликнуться на чью-то беду человека — тех, кому вы сделали добро, не перечесть... Но мы вынуждены продолжить неприятные вопросы. Не так давно было много шума вокруг схватки за один из крупных московских банков, председателем совета которого вы пробыли недолгое время. За этим последовал резкий комментарий президента банка, сказавшего в интервью одной из газет, что его пытаются взять под контроль криминальные круги... Недоумение вызвало и то, что вы отправились на презентацию недавно организованного банка в так называемую «Турецкую республику Северного Кипра». Этот банк по-своему уникален — происхождение средств, хранящихся в финансовом учреждении, расположенном на территории никем не признанной страны, невозможно установить. Появившись на территории, оккупированной турецкими войсками, вы вступили в конфликт с нашим МИДом, и с правительством Кипра...

— Все это чрезвычайно преувеличено — моя роль здесь невелика. На Кипр я ездил как артист — в четыре часа по местному времени я прилетел, а на завтра в семь утра отправился обратно. Там был прием, на котором я пел — к деловой части я не имел никакого отношения.

Что касается истории с московским банком... Я банковскими де-

вокруг моего имени очень много домыслов. Я и сам порой теряюсь: на днях пришли представители какой-то группировки и сообщили, что они вошли своей долей в одно из московских казино. Нам-де сказали, что его держит Кобзон и он категорически против нашего участия. Назревает разборка с убийствами... Я сказал, что дарю им мою собственную долю — пойдите и скажите, чтобы вам ее отдали...

— Отдали, Иосиф Давыдович?

— Да я даже не знаю, где находится это чертово казино! Я все время где-то в доле — в доле на казино, на нефть, металл... Стоит мне что-то сказать, как это немедленно перетолковывают. Сегодня меня порадовал Салман Хасминов, известный спортсмен, чемпион мира: чеченская мафия-де решает, что делать с Кобзоном. Я, дескать, сказал, что Япончик разобрался бы с чеченцами намного быстрее, чем власти... На самом же деле было сказано совсем другое: даже Япончик решил бы чеченскую проблему лучше людей в генеральской форме...

— А вы знали Иванькова «Япончика»? Что это за человек?

— Я его узнал в Америке: мы познакомились в ресторане на Брайтоне. Я разговаривал с ним часами: он рассказывал, как добили того, чтобы в тюрьме открыли моленную комнату, рассказывал о законах преступного мира — почему там не любят педерастов, насильников... Мне с ним было очень интересно — но не более того. Меня с Япончиком, кроме этого, ничего не связывает. Если наши разговоры записывали, то это можно подтвердить. Япончик неординарный человек, хороший собеседник, — а мне интересно все, что происходит в мире. Но если меня сфотографи-

этой истории глубокие корни: причины того, что происходит со мной, надо искать не там, где кажется на первый взгляд. Если бы дело было лишь во мне, не стали бы жечь столько пороха: он ведь, как известно, стоит немалых денег...

Все началось в октябре 1993 года. Я был одним из посредников между парламентом и властными структурами, ходил в Белый дом и пытался помочь им договориться. Я был ни с теми и ни с этими — просто хотелось сделать так, чтобы в Москве не было стрельбы и крови. Был здесь и личный мотив: мне хотелось помочь моим знакомым.

Кое-что удалось — я провел к Хасбулатову, Руцкому, Косову и Краснову жен, договорился о том, что «сидельцам» включают воду, отопление, свет... Не обошлось и без курьезов: когда Людмила, жена Руцкого, попросила принести ему смену белья, мне не дали этого сделать — отобрали на входе. Мои усилия ни к чему не привели: нет надобности говорить о том, чем кончилась октябрьская эпопея... И вскоре нашему президенту, Ельцину Борису Николаевичу, нашептали, что я ходил в Белый Дом для того, чтобы петь депутатам. Сначала я встревожился, потом пожал плечами: пусть все идет, как идет. Президент не любит меня, а я не люблю президента: и что из этого? Нам с ним в конце концов не детей крестить... Но тут из тюрьмы вышел Руцкой.

Нас с Сашей познакомил Афганистан, но друзьями мы никогда не были. Я ходил к нему на прием только чтобы похлопотать за Бориса Громова, близкого мне человека, незаслуженно выкинутого из армии. Звезду Руцкому, кстати, пробивал Громов... Тем не менее Руцкой позвонил мне, сказал, что хотел бы встретиться, —

Кобзон Иосиф